

А. Ф. ГЯЗНОВ

Аналитическая философия

<Фрагменты>

Подготовительные материалы

В конце 1913 г. Витгенштейн неожиданно покинул университетский Кембридж. Свой отъезд он объяснял в письмах какими-то личными мотивами. Вполне вероятно, что он просто желал осмыслить все то, что получил от общения с Расселом. Витгенштейну было необходимо в уединении подготовить новый вариант своей концепции, и он селится в одном из самых глухих мест западной Норвегии, где живет в полном одиночестве¹, которое прервалось лишь визитом к нему в апреле 1914 г. Джорджа Мура. Витгенштейн продиктовал ему заметки, с которыми он просил ознакомить Рассела. Впоследствии Витгенштейн сожалел, что Мур недостаточно адекватно передал суть его идей этого периода. От довоенного периода сохранились, кроме того, «Заметки по логике», написанные Витгенштейном еще в Кембридже в 1913 г. и находившиеся у Рассела.

В этих «Заметках по логике» Витгенштейн начинает с утверждения о том, что философия состоит из логики и метафизики. При этом, следуя за Расселом, он полагает, что основание философии составляет именно логика. Философия пользуется описательным методом. Первое требование для занятия философией — это полное недоверие к грамматике. Хорошо заметно, что в этот период Витгенштейна сильно увлекло расселовское противопоставление логического анализа языка грамматическому.

¹ В одном из своих первых писем Расселу он писал: «Я нахожусь здесь в маленьком местечке на берегу прекрасного фиорда и размышляю о чудовищной теории типов. Еще предстоит разрешить некоторые *очень* сложные проблемы (и очень фундаментальные также), и я не начну писать до тех пор, пока не найду для них нечто вроде решения» (*Wittgenstein L. Notebooks 1914–1916. Oxford, 1979. P. 123*).

В рассматриваемой рукописи подробно анализируются так называемые «неопределяемые», то есть имена и логические формы. Этот термин был введен Расселом, который видел задачу «философской логики» в исследовании различных видов «неопределяемых». Но Витгенштейн уже не соглашается с расселовским отношением таких понятий, как «вещь», «высказывание», «субъектно-предикатная форма», к «неопределяемым», ибо эти понятия не являются независимыми; впоследствии он сам разовьет сходную концепцию «формальных понятий».

Ведущая тенденция в «Заметках» — показ существенного различия имен и предложений, а именно того, что они *обозначают* по-разному. Имя обозначает (указывает на) свой объект, а вот одному и тому же факту соответствуют как истинное, так и ложное предложения. Эта идея очень сильно повлияла на концепцию Рассела в этот период и заставила английского философа модифицировать свою позицию. В рукописи Витгенштейн говорит также о заблуждении Фреге, который включал предложения в разряд имен. Неправ был, по его мнению, и Рассел, считавший предложения «именами комплексов».

Итак, факты не обозначаются именами. Предложение — это некоторый стандарт, к которому относятся факты. Значение и есть факт, действительно соответствующий предложению, причем имеются позитивные и негативные факты, но нет истинных и ложных фактов. «Если предложение «Эта роза не красная» истинно, тогда то, что оно обозначает, негативно. Но появление слова «не» еще не свидетельствует об этом, пока мы не узнаем, что обозначаемое предложение «Эта роза красная» (когда оно истинно) позитивно»². «Смысл» же в «Заметках» описывается следующим образом: если x находится в отношении R к y , то знак xRy называется истинным в отношении факта; если не находится в таком отношении, то — ложным. Знать, что предложение имеет два полюса в случае его истинности или ложности, — значит знать его смысл³.

Предложения, по Витгенштейну, не могут быть редуцированы к расселовским «неопределяемым». Для того чтобы понять какое-либо предложение p , еще недостаточно знать, что $\sim p$ предполагает « p » истинно», но мы также должны знать, что p предполагает « p » ложно». И это показывает изначальную *биполярность* любого предложения. В этой рукописи у Витгенштейна в первый (и последний) раз используются расселовские термины

² Wittgenstein L. Notebooks 1914–1916. Oxford, 1979. P. 97.

³ Ibid. P. 99.

«атомарное» и «молекулярное» предложения. «Если, — пишет он, — мы сформулировали все возможные атомарные предложения, то мир был бы полностью описан, когда мы объявили бы истинность или ложность каждого из них»⁴.

В «Заметках», продиктованных Муру, уже появляется квалификация логики как метода описания тавтологий. Витгенштейн подчеркивает, что каждое осмысленное предложение отражает некоторое логическое свойство Вселенной. А собственно предложения логики являются лишь формами доказательств, сами по себе они не истинны и не ложны. Такие предложения показывают, что одни предположения следуют из других. Логические предложения всегда что-то показывают, ибо язык, в котором они выражены, может сказать все, что может быть сказано. И делают они это потому, что все они — тавтологии. Однако логические предложения являются *разными* видами тавтологий, и каждое из них показывает нечто свое. Они — своеобразные постулаты, лежащие в основе совершенного знакового обозначения. А сами логические законы как формы мысли Витгенштейн в стиле Канта сравнивает с пространством и временем как формами интуиции⁵. При этом он отказывается рассматривать мышление с психологической точки зрения.

Витгенштейн снова подчеркивает, что значение предложения — это соответствующий предложению факт. Но предложение имеет и другое отношение к реальности, ибо можно понимать предложение, совсем не зная его значения. Дело в том, что предложению принадлежит *смысл*. «Быть истинным или ложным — это в действительности составляет то отношение предложения к реальности, которое мы имеем в виду, говоря, что ему присущ смысл (Sinn)»⁶. В «Трактате» понятие «смысл» предложения полностью вытеснит его «значение».

Ответ на вопрос о том, имеет ли некоторое предложение смысл, никогда не может зависеть от истинности другого предложения, касающегося конституента первого предложения. В противоположность Расселу, австрийский философ утверждает, что логика в целом не имеет дело с отношениями. Несмотря на то, что Витгенштейн признает *внутренние* отношения между предложениями, он считает, что в сущности это отношения между различными типами, отличные от внутреннего отношения имен к целому предложению, в которое они входят. Отношения между предложениями не выражаются в самих предложениях,

⁴ Ibid. P. 103.

⁵ Ibid. P. 118.

⁶ Ibid. P. 113.

но показываются в символах и могут быть представлены в систематической форме в тавтологиях. Что же касается имен, то мы в сущности не знаем, что это такое. Мы лишь уверены в том, что имена не есть вещи⁷.

Все же центральное место среди витгенштейновских текстов рассматриваемого периода занимают «Дневники 1914–1916 гг.» (последние записи в них сделаны в январе 1917 г.). Этот довольно объемный подготовительный текст характеризуется безграничным оптимизмом его автора в отношении возможностей логики. Уже первое предложение свидетельствует об этом: «Логика должна позаботиться о самой себе»⁸. Философам остается только смотреть и описывать то, каким образом она это делает. В логике, согласно Витгенштейну, все закономерно и нет ничего неожиданного, ибо в ней процесс и результат совпадают. И происходит это потому, что собственно логические предложения не отображают фактов. Единство логики напоминает ему единство музыкального произведения. Витгенштейн даже полагает, что если удастся установить все синтаксические правила для пропозициональных функций, то отпадает надобность в специальной онтологической теории предметов, свойств и т. п. Поэтому окончательное решение всех вопросов окажется крайне простым. Но эта задача, по его мнению, уже существенно отличается от задачи, поставленной ранее Фреге и Расселом.

В логике, как она представлена в «Дневниках», ошибки объявляются принципиально недопустимыми. В этой всесильной науке нет необходимости ссылаться на самоочевидность, которая часто обманывает. Каждое возможное предложение всегда правильно сформулировано, любой знак должен обладать способностью что-либо обозначать. Предложение детерминирует свое «логическое место». Как «логическое», так и собственно пространственное место свидетельствует, по Витгенштейну, о возможности существования чего-либо. Знак и обозначаемый им предмет тождественны в отношении *логической* структуры. Если бы этого не было, тогда имелось бы нечто более фундаментальное, чем логика. Но, с панлогистской точки зрения Витгенштейна, такое принципиально невозможно. Чтобы увидеть в знаке именно знак, следует обратить внимание на его использование. Указание на то, что в логике (и философии) необходимо описывать практику использования знаков, станет одной из важнейших установок раннего и позднего периодов деятельности Витгенштейна.

⁷ Ibid. P. 111.

⁸ Ibid. P. 2.

«Предложение может выражать свой смысл, *только* будучи логическим отображением его»⁹. Для того чтобы охарактеризовать фундаментальное свойство предложений, Витгенштейн и заимствует герцеровское понятие «модель». Он поясняет модельный, образный характер предложения описанием случая в парижском суде, когда одно дорожное происшествие было продемонстрировано с помощью кукол.

В предложении, предупреждает Витгенштейн, мы не можем нелогическим путем располагать обозначаемые предметы. Это означало бы выход за пределы логики языка, что абсурдно. Иначе говоря, как и в случае с «моделями» Герца, предложения сами устанавливают границу своей применимости. Предложения способны быть истинными или ложными, но их смысл от этого не зависит. А истинными или ложными они оказываются только в том случае, если, будучи образами некоторой ситуации, согласуются или не согласуются с «реальностью». То, что «истинное» и «ложное» обозначают одно и то же для всех предложений, доказывается тем, что любое «законченное» предложение можно отрицать. Однако образы (картины), не являющиеся предложениями, отрицать нельзя. В этом, как считает Витгенштейн, заключается отличие, так сказать, «чистых» образов от предложений¹⁰. Это — общее свойство всех предложений. Предложение также служит как бы мерилем отображаемой им ситуации. «Предложение конструирует мир с помощью своих строительных лесов»¹¹.

«Логика мира» (то есть его структура) предшествует истинностному значению. До того как предложение получит смысл, его логические константы, согласно Витгенштейну, уже должны что-то обозначать, иметь значение. В «Трактате» эта позиция в отношении констант будет, однако, отвергнута. Что же касается самого существования констант, то об этом, по Витгенштейну, неправомерно даже спрашивать, ибо к главным свойствам констант относится способность исчезать¹². В данном случае он, очевидно, подразумевал возможность определения одних логических связей с помощью других.

В отличие от предложений имена не являются образами. Отдельное слово не способно выражать мысль, которая согласуется или не согласуется с реальностью. Как, например, слово «килограмм», имеющее значение, может само по себе быть ис-

⁹ Ibid. P. 6.

¹⁰ Ibid. P. 33.

¹¹ Ibid. P. 16.

¹² Ibid. P. 19.

тинным или ложным? Имена — это только заместители объектов. Предложения, продолжает Витгенштейн, интересны именно как образы реальности. Полностью проанализированные предложения содержат ровно столько имен, сколько есть обозначаемых ими объектов. Поэтому-то язык и оказывается универсальным и всеохватывающим отображением мира. «Я не должен беспокоиться о языке»¹³. Заметим, что когда Витгенштейн говорит о проективном отношении предложения к миру, он подчеркивает, что проецируются «протообразы» (гештальты) предложения. В тексте «Трактата» это понятие будет полностью вытеснено понятием «логическая форма».

Предложения логики, говорящие что-либо о своем смысле, Витгенштейн квалифицирует как «псевдо-предложения». Любое описание мира возможно только в случае, если то, что обозначено, не является своим собственным знаком. «То, что псевдопредложение “существует n вещей” пытается описать, показывается в языке присутствием n -го количества собственных имен с различными значениями»¹⁴.

«Образная форма» — это то, в чем образ согласуется с реальностью, чтобы ее отображать. Предложение описывает какой-либо факт с помощью своих внутренних логических свойств. Понятие «образная форма» будет нести большую смысловую нагрузку в «Трактате», где оно связано с другими разновидностями форм.

Витгенштейн констатирует, что он бессознательно начинает свое исследование с элементарных предложений и постепенно восходит к самым общим предложениям. Противоречие — это внешний предел для всех предложений, а тавтология — как бы десубстанциализированный центр, некоторая точка. Предложение может быть в принципе и неполным образом какого-либо отдельного конкретного факта; но в логическом плане оно всегда с необходимостью есть *полный* (законченный) образ.

Расселовское влияние в «Дневниках» сказывается в том, что Витгенштейн еще допускает возможность постижения сложных (но не простых!) предметов путем «знания-знакомства». Однако в самих комплексах уже заключается требование их *логического* анализа вплоть до простых объектов. Правда, Витгенштейн не раз признается, что не может привести примера ни одного из таких объектов. Существование простых элементов детерминируется не свойствами мира, а априорным требованием, чтобы анализ предложений был точным, полным и бесконечным. «Смысл

¹³ Ibid. P. 43.

¹⁴ Ibid. P. 20.

предложения должен проявляться в предложении, разделенном на его *простые* составляющие»¹⁵. В «трактате» тема «простых объектов» получит дальнейшее освещение.

Несмотря на провозглашенное всемогущество логики, Витгенштейн опасается, как бы в его логическую систему не закралась психологические рассуждения. Свои главные трудности он связывает с трудностями выражения содержания. Поэтому, считает он, следует строго придерживаться правила: нельзя выражать то, что невыразимо.

В отличие от «Заметок» 1913 и 1914 гг., имеющих прежде всего логическое назначение, в «Дневниках» логика и философское мировоззрение тесно переплетаются. «Моя работа, — пишет Витгенштейн, — простирается от оснований логики до природы мира»¹⁶. Объяснение свойств предложения есть объяснение всего бытия, причем последнее не сводится только к существующему. Логика, по Витгенштейну, — это «великое зеркало» мира.

Ранней позиции Витгенштейна был присущ своеобразный логический фетишизм. Многие из поднятых им специальных вопросов давно усвоены современной логикой, которая не видит в них ничего сверхъестественного. Молодому Витгенштейну же они казались подлинным философским откровением. Занятие логикой было бы для него к тому же глубоко личным делом, о чем можно судить по его письмам рассматриваемого периода.

Мировоззрение Витгенштейна в период написания им «Дневников» удивительно пронизано пантеистическими мотивами. Здесь также противоречиво сочетаются оптимистический, поистине эпикурейский подход к миру и шопенгауэровский пессимизм. По сравнению с предназначавшимся для опубликования «Трактатом» эти вопросы в «Дневниках» занимают больше места. На вопрос о том, что он знает о Боге и назначении человеческой жизни, Витгенштейн отвечает простым указанием на факт существования мира. Смысл жизни и мира для него связан с доброй и злой волей. Такой смысл, как он считает, и обозначается словом «Бог». Поэтому молиться Богу означает думать о смысле жизни. Но сам человек в сущности бессилен и ничего не может изменить в мире, ибо мир не зависит от его индивидуальной воли и ее конкретных проявлений. И в этом смысле «Бог» есть неумолимая судьба, или независимый от индивидуальной воли мир, то, «как обстоят дела в мире»¹⁷.

¹⁵ Ibid. P. 63.

¹⁶ Ibid. P. 79.

¹⁷ Но 17.10.1916 г. он, однако, записал: «Я могу также говорить о воле, которая обща всему миру. Но эта воля есть в высшем смысле *моя* воля. Как моя идея

Витгенштейн соглашается с Достоевским, считавшим, что человек, который счастлив, выполняет цель своего существования. Счастливый человек всегда живет в настоящем и ничего не боится. В настоящем ведь нет места для смерти. Страх смерти оценивается Витгенштейном как ложная, плохая жизнь. Быть счастливым означает быть в согласии с миром и в то же время отказываться от его прелестей. Но как можно быть счастливым, если мы не можем изгнать страдания и горе из этого мира? Ответ Витгенштейна на этот вопрос приближает его к созерцательному идеалу Спинозы: «Жизнь знания есть жизнь счастливая независимо от страданий в мире»¹⁸.

Но индивидуализм Витгенштейна усиливается и становится похожим на безграничный индивидуализм Шопенгауэра. «Какое отношение ко мне имеет история? Мой мир является первым и единственным! Я хочу описать то, каким я нахожу мир... Я должен судить мир, соизмерять вещи»¹⁹. В такой форме здесь предвосхищается будущая постановка проблемы солипсизма в «Трактате».

По Витгенштейну, жизнь (но не в физиологическом или психологическом смысле) и мир совпадают. Все, что связано со счастливой жизнью, трудно объяснимо и глубоко мистично. Это можно только описывать. Из осознания личностью уникальности своей жизни возникают религия и искусство. С эстетической точки зрения, для Витгенштейна чудо заключается в самом существовании мира. Искусство как бы со стороны смотрит на мир счастливыми глазами. Цель искусства — прекрасное, но это и есть то, что делает нас счастливыми. Венский эстетизм мироощущения Витгенштейна ограничивает для него проблему смысла человеческой жизни рамками «облагораживающего» искусства. Такое искусство понимается им в «Дневниках» как самая «совершенная экспрессия».

Насколько сейчас известно, подготовительные материалы к «Трактату» не ограничивались только тремя вышеприведенными текстами. По предположению исследователей философии Витгенштейна, существовало 7–9 тетрадей, значительная часть содержания которых впоследствии вошла в «Трактат». Так, фон Бригг обнаружил в 1965 г. в Вене рукописный текст, который

есть мир, так и моя воля является мировой волей» (*Wittgenstein L. Notebooks. Oxford, 1979. P. 85*). Вообще проблема воли — одна из центральных философских проблем, рассматриваемых в «Дневниках».

¹⁸ *Wittgenstein L. Notebooks. Oxford, 1979. P. 81*.

¹⁹ *Ibid. P. 81*.

в основном уже почти не отличался от изданного текста «Трактата». Эта рукопись была не так давно опубликована под названием «Прототрактат»²⁰. Некоторые свои ранние рукописи, хранившиеся в Вене, Витгенштейн уничтожил за год до своей смерти. Он, по-видимому, хотел, чтобы «Трактат» продолжал восприниматься читателями как целостное и законченное произведение, написанное «на одном дыхании».

Во всех подготовительных текстах Витгенштейна (за исключением, пожалуй, лишь «Прототрактата») встречается огромное количество неточностей, непонятных положений и явных противоречий. Из текста в текст переходят одни и те же положения, которые, наконец, закрепляются подтем или иным индексом в «Трактате». Наличие в подготовительных вариантах массы повторений не свидетельствует, однако, лишь о неряшливости автора. Демонстрация какой-либо идеи с помощью многочисленных, подчас минимально отличающихся примеров — индивидуальная особенность философского стиля Витгенштейна. Эта особенность, между прочим, получит наиболее полную реализацию в поздний период его деятельности. В целом, несмотря на крайне несистематический характер, подготовительные материалы довольно обстоятельно показывают лабораторию витгенштейновской мысли рассматриваемого периода, процесс вызревания его логико-философской терминологии <...>.

Математика, естествознание, «мистическое»

С понятием «показывание» связана и концепция математики раннего Витгенштейна. Он полагал, что эта наука в своей основе состоит из равенств. «Логика мира (то есть по существу логическую форму. — А. Г.), которую предложения логики показывают в тавтологиях, математика показывает в уравнениях»²¹. Но равенство как раз есть попытка сказать то, что показывает само себя; следовательно, оно является псевдо-предположением. Два математических выражения равны не потому, что об этом говорит знак равенства, но сам знак равенства возможен потому, что эти выражения равны. Витгенштейн далее пишет: «Фреге говорит, что эти выражения имеют одинаковое значение, но различный смысл. Но в уравнении существенно то, что оно не необходимо для того, чтобы показать, что оба выражения, связанные знаком

²⁰ См.: Wittgenstein L. Prototractatus. Ithaca, 1971.

²¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 6.22.

равенства, имеют одинаковое значение, так как это может быть понято из самих этих двух выражений».

Математика определяется как логический метод вычисления, производства подстановок в уравнениях, причем «взаимозаменяемость двух выражений характеризует их логическую форму»²². В этом плане метод математики отличается от собственно логического метода, основанного на тавтологиях. Поэтому математика, рассматриваемая подобным образом, обладает определенной независимостью по отношению к логике. Но сам Витгенштейн, однако, как бы не замечая этого, пишет: «Математика есть логический метод»²³; и «Математика есть метод логики»²⁴.

В «Трактате» мы встречаемся со скрытой тенденцией своеобразного «антилогицизма», хотя в целом, конечно, ранний Витгенштейн был очень многим связан с классическими логическими построениями Фреге и Рассела. Но уже в работах и лекциях 30-х годов Витгенштейн разовьет конструктивистский взгляд на природу математического знания, а метод математики станет рассматривать сугубо антропологически.

Между прочим, и в самом «Трактате» обнаруживается линия будущего математического конструктивизма Витгенштейна. Здесь можно сослаться, например, на положения, где речь идет о понятии операции; на положения, где говорится об общей форме предложения и конструктивном образовании понятия числа. Числа, по Витгенштейну, есть определенные ступени, этапы в цепи операций: «Число есть показатель операции»²⁵. Числа поэтому не обозначают объектов, и математические предложения ничего не говорят о самом мире — они чисто формальны. При этом «теория классов в математике совершенно излишня»²⁶.

В целом же математика для Витгенштейна — это еще один возможный способ показывать структуру мира. Математическое знание обладает особым статусом, отличным от статуса других наук, например физики. И хотя законы современной физики формулируются в математической форме, а математика связана с логикой, все же предложения физики отличаются как от математических уравнений, так и от логических тавтологий.

Витгенштейновская критика понятия каузальности, лежащего в основании естествознания, внешне напоминает юмовскую:

²² Там же. 6.23.

²³ Там же. 6.2.

²⁴ Там же. 6.234.

²⁵ Там же. 6.021.

²⁶ Там же. 6.031

«То, что завтра взойдет солнце, — гипотеза; а это означает, что мы не *знаем*, взойдет ли оно»²⁷; «События будущего *не могут* выводиться из событий настоящего»²⁸. Витгенштейн считал, что вера людей в возможность объективной и необходимой каузальной связи есть просто неясное выражение того врожденного мнения, что в принципе существуют какие-то законы природы. Правда, эти законы не суть *объяснения* явлений природы. Такие законы только *описывают*. «Закон причинности» (его он однажды в стиле Шопенгауэра называет законом (достаточного) основания) ничего не говорит о мире. Это только *форма* закона, утверждающая, что у всего есть своя причина. Дело в том, что каузальные предложения не являются функциями истинности составляющих их предложений. Каузальные предложения не необходимы, а вера в каузальную связь между различными положениями дел оценивается как предрассудок, ибо описывающие их элементарные предложения не выводятся друг из друга. Каузальность, таким образом, не согласуется с витгенштейновской догмой о взаимной независимости элементарных предложений.

В позитивистском духе Витгенштейн сравнивает естественнонаучные теории, формулирующие дескриптивные законы, с сетками, ячейки которых могут быть различной формы, а «различным сеткам соответствуют различные системы описания мира»²⁹. И классическая механика Ньютона выступает подобной сеткой, придающей некоторую форму нашему описанию мира фактов. Это лишь одна из наиболее «простых» сеток. Но то, что мы способны описывать мир с помощью именно ньютоновской теории, еще ничего не говорит о самом мире. Механика, в основе которой, как традиционно предполагается, лежит закон каузальности, лишь показывает, что имеются законы природы. «Механика есть попытка построить по единому плану все *истинные* предложения, в которых мы нуждаемся для описания мира»³⁰. Законы естествознания для Витгенштейна по существу малоинформативны. А сама наука в его понимании — это какая-то смесь эмпирического и формального, апостериорного и априорного. Концепция естествознания в «Трактате» в целом эклектична и довольно слабо разработана.

Лишение Витгенштейном каузальности необходимого характера непосредственно связано с его критикой индукции. Он пишет:

²⁷ Там же. 6.36311.

²⁸ Там же. 5.1361.

²⁹ Там же. 6.341.

³⁰ Там же. 6.343.

«Так называемый закон индукции ни в коем случае не может быть логическим законом, так как очевидно, что он является осмысленным предложением, и поэтому также не может быть априорным законом»³¹. И далее: «Процесс индукции состоит в том, что мы принимаем *простейший* закон, согласующийся с нашим опытом»³²; «но этот процесс имеет не логическое, а только психологическое основание. Ясно, что нет никакого основания верить, что в действительности наступит только простейший случай»³³.

Так как наступление или ненаступление чего-либо, по Витгенштейну, есть предмет нашей веры и потому относится к психологии, то собственно *логическая* вероятность не может основываться на этом. Такой вероятности (точнее, вероятностным предложениям) ничего не соответствует в мире. Она имеет дело лишь с взаимоотношениями оснований истинности предложений. А все элементарные предложения, поскольку они независимы друг от друга, и запрещено выводить основания истинности одних из других, равновероятны. Как и закон каузальности, схему вероятности Витгенштейн рассматривает в качестве чистой формы, придавая ее истолкованию при этом субъективный оттенок: «Таким образом, вероятность есть обобщение. Она включает общее описание формы предложения. Только за неимением достоверности мы нуждаемся в вероятности. Когда мы знаем факт не полностью, но, однако, знаем *что-то* о его форме»³⁴.

Предложения же, связанные с определением вероятности и отнесенные Витгенштейном к сфере психологии, создают для него определенные трудности. Есть предложения, которые не просто примирить с его основополагающим тезисом о том, что сложные предложения суть функции истинности составляющих их элементарных предложений. Такие предложения, очевидно, не зависят от истинностного значения своих частей. О них Витгенштейн пишет: «На первый взгляд кажется, будто предложение может также входить в другое и другим способом (то есть не как основание операций истинности, о чем говорится в предыдущем афоризме. — А. Г.). В особенности в определенных формах предложений психологии, например: «*A* думает, что *p* имеет место» или «*A* мыслит *p*». Здесь на первый взгляд кажется, что предложение *p* как будто стоит к объекту *A* в каком-то отношении. (Так

³¹ Там же. 6.31.

³² Там же. 6.363.

³³ Там же. 6.3631.

³⁴ Там же. 5.156.

понимались эти предложения и в современной Витгенштейну теории познания (Рассел, Мур и т. д.)»³⁵.

Решение Витгенштейна выглядит неожиданным: «Но ясно, что «А верит, что *p*», «А мыслит *p*», «А говорит *p*»; являются предложениями формы: «“*p*” говорит *p*»; и здесь мы имеем не координацию факта и объекта, а координацию фактов посредством координации их объектов»³⁶. Однако предложенное Витгенштейном средство не дает права говорить об эквивалентности указанных предложений. Скорее оно дает только ключ к объяснению понимания предложений веры и прочих предложений, связанных с описанием познавательных и психологических состояний.

Когда в «Трактате» отмечается, что «логика трансцендентальна»³⁷, это, по-видимому, означает не то, что логика выдвигает какие-либо абстрактные положения, а то, что предложения логики показывают нечто, само по себе невыразимое в языке, но как бы структурирующее то, что выразимо. Логика показывает именно существенные структурные свойства языка. Многие витгенштейновские понятия, о которых «нельзя говорить», имеют интенциональный характер³⁸.

Вообще, согласно Витгенштейну, у нас имеется много способов показывать то, что невыразимо в словах. Например, такие виды искусства, как музыка или живопись, могут показывать нечто глубокое и содержательное с помощью определенного сочетания и расположения звуков или красок. Метафизика, мораль, искусство и религия принадлежат к области того, что может быть лишь показано. Мы ничего не можем сказать о ценностях, ибо утверждения о ценностях не сводимы к утверждениям о том, что объекты скомбинированы определенным образом, то есть к утверждениям относительно фактов. В такой форме Витгенштейн нашел логико-философское обоснование идеи размежевания фактического и ценностного, столь популярной в венской «контркультуре».

Воля как феномен, по Витгенштейну, может заинтересовать только психологию. Подлинная, то есть этическая, воля и мир

³⁵ Там же. 5.541.

³⁶ Там же. 5.542.

³⁷ Там же. 6.13.

³⁸ Фон Вригт пишет в этой связи: «Логические позитивисты и их последователи, которые не приняли всерьез различие в “Трактате” выражаемого и показываемого, были поэтому вынуждены отрицать *suigeneris* характер интенционального и пренебрегать изучением понятий и способов рассуждения иных, чем экстенциональные» (*Von Wright G. H. Wittgenstein. Oxford, 1982. P. 186*).

внешни по отношению друг к другу, хотя и координированы каким-то непостижимым образом. Причем такая воля невыразима в языке. Когда говорится, что «мир не зависит от моей воли», то в этом полемичном в отношении Шопенгауэра афоризме речь идет о фактическом содержании мира, о том мире, который «определен фактами и тем, что это все факты»³⁹. Поэтому «смысл мира должен лежать вне его. В мире все есть, как оно есть, и все происходит так, как происходит. В нем нет никакой ценности, а если бы она там и была, то она не имела бы никакой ценности»⁴⁰.

Все же до некоторой степени раскрывается общий характер взаимоотношения воли и мира: «Если добрая и злая воля изменяет мир, то она может изменить только границу мира, а не факты, не то, что может выражаться в языке. Короче говоря, при этом условии мир должен вообще стать совсем другим. Он должен, так сказать, уменьшаться или возрастать как целое. Мир счастливого совершенно другой, чем мир несчастного»⁴¹. В этом фрагменте по существу показывается приоритет этического перед фактическим. Поэтому «решение загадки жизни в пространстве и времени лежит *вне* пространства и времени»⁴²; «все факты принадлежат только к задаче, а не к решению»⁴³. И смерть, поскольку при ней мир не изменяется, но прекращается вообще, — тоже вне мира.

В популярной «Лекции по этике» (прочитанной Витгенштейном в Кембридже для так называемого «Общества еретиков» в 1929 или 1930 г.) прямо говорится, что этика сверхъестественна, в то время как слова нашего языка могут выражать только факты⁴⁴. Развивая эту идею «Трактата», Витгенштейн подчеркивал, что суждения «абсолютной ценности» (а только они, на его взгляд, составляют предмет этики) не сводимы к фактам. Все этические и религиозные предложения — это лишь метафоры и аллегории. Сущностью же этических и религиозных предложений является их бессмысленность. Они оказываются попытками выйти за пределы языка. Язык и речь, по Витгенштейну, совершенно не обязательны для религии. В лекции утверждается, что этический опыт берет начало от двух переживаний: (1) удивления от того, что мир существует; (2) ощущения абсолютной

³⁹ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. 1.11.

⁴⁰ Там же. 6.41.

⁴¹ Там же. 6.43.

⁴² Там же. 6.4312.

⁴³ Там же. 6.4321.

⁴⁴ См.: *Wittgenstein L.* Lectures on Ethics // *The Philosophical Review.* 1963. V. 74. N 1.

безопасности и спокойствия. Хотя, по Витгенштейну, этическое, а также эстетическое, не могут быть высказаны, но зато возможно этическое и эстетическое действие, поведение. Этическое наказание и этическое вознаграждение, как отмечается в «Трактате», должны лежать в самом действии. Это напоминает одно из главных положений этического учения стоиков.

Факты мира ограничены тем, что лежит *вне их* (конечно, не в пространственном смысле), то есть «мистическим». Данный термин Витгенштейн, возможно, заимствовал у Рассела, который в знаменитом эссе «Мистицизм и логика»⁴⁵ проанализировал мистическое как, по его мнению, составной элемент любой философской доктрины. Витгенштейновский подход не предполагает подобного досконального анализа мистического, поскольку тесно связан с его теорией показывания. В то же время, как и Рассел, Витгенштейн отнюдь не отождествляет мистическое с чем-то таинственным или загадочным⁴⁶. Мистическое в его ранней философии выполняет совершенно определенную функцию.

Витгенштейн пишет: «Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно показывает себя; это — мистическое»⁴⁷; «созерцание мира *sub specie aeterni* есть его созерцание как ограниченного целого. Чувствование мира как ограниченного целого есть мистическое»⁴⁸. Интересно, что в «Дневниках» Спинозовское видение мира с «точки зрения вечного» еще относится только к этике и эстетике: «Произведение искусства является объектом, видимым *sub specie aeterni*; а добродетельная жизнь есть мир *sub specie aeterni*. В этом заключается единство искусства и этики»⁴⁹. В «Трактате» значение выражения «с точки зрения вечного» увеличивается.

В то же время мистическое, согласно Витгенштейну, есть все то, что крайне необходимо в нашей жизни. «Мы чувствуем, что если бы и существовал ответ на все *возможные* научные вопросы, проблемы жизни не были бы при этом даже затронуты. Тогда, конечно, больше не останется никаких вопросов; а это как раз и есть ответ»⁵⁰. Таким образом, в «Трактате» присутствует иррационалистический мотив, близкий философии жизни и даже экзистенциализму и дополняющий витгенштейновский «ра-

⁴⁵ См.: *Russell B. Mysticism and Logic*. London, 1956.

⁴⁶ Ср. *M.Guinness B. F. The Mysticism of the Tractatus // Philosophical Review*. 1966. V. LXXV. N. 3.

⁴⁷ Там же. 6.522.

⁴⁸ Там же. 6.45.

⁴⁹ *Wittgenstein L. Notebooks, 1914–1916*. Oxford, 1979. P. 83.

⁵⁰ *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат*. М., 1958. 6.52.

ционалистический» панлогизм. В частности, взгляды Витгенштейна по рассматриваемому вопросу близки учению К. Яспера об «охватывающем»⁵¹. Ранее уже подчеркивалось удивительное совпадение некоторых высказываний Витгенштейна о языке с соответствующими высказываниями Хайдеггера.

Но наибольшее сходство, конечно же, имеется с учением Шопенгауэра. Правда, Шопенгауэр, как известно, учил, что мир тождествен воле и что он несовершенен. Витгенштейн же, по-видимому, считал, что мир не только не зависит от воли, но и в некотором смысле является совершенным. Все же, несмотря на данное различие, у обоих философов есть очень много общего⁵².

Мы знаем, что «Мир как воля и представление» была первой философской книгой, которую прочитал Витгенштейн. Любопытно, что в, где говорится о солипсистской позиции, Витгенштейн упоминает воображаемую книгу «Мир как я его нахожу», название которой перекликается с названием книги Шопенгауэра. В «Дневниках» Витгенштейна особенно интересует проблема воли, что оказывается результатом влияния на него основной идеи философии Шопенгауэра. Существуют также свидетельства его увлечения немецким идеалистом и в более поздние годы.

Шопенгауэр доказывал, что мышление ограничено, производно от иррациональной воли и выполняет лишь служебные функции. У Витгенштейна же границами мира являются границы осмысленного языка, а далее — мистическое, которое ограничивает мир (следовательно, и мышление, поскольку мир есть все то, что выразимо в языке, мыслимо). Таким образом, мышление ограничивается и «подлинной» этической волей, входящей в невыразимую сферу мистического.

В историю этики Шопенгауэр вошел как представитель крайнего пессимизма. Он полагал, что если понять бесцельность и единство воли во всех ее проявлениях, то тогда будет ясен иллюзорный характер человеческого счастья, человеческих устремлений. Отсюда призыв Шопенгауэра к подавлению воли к жизни, к аскетизму (правда, сам он, как известно, в жизни не был аскетом), превознесение буддийской нирваны, как он

⁵¹ См.: *Leinfellner E., Leinfellner W., Berghel H., Hübner A. (eds.). Wittgenstein and His Impact on Contemporary Thought. Dordrecht, 1978. P. 65–69.*

⁵² Развернутое сопоставление раннего Витгенштейна с Шопенгауэром дается в статье А. Ф. Гриффитса «Витгенштейн, Шопенгауэр и этика» (см.: *Understanding Wittgenstein. Royal Institute of Philosophy Lectures. London, 1974.*)

ее понимал. У Витгенштейна же, который не являлся таким крайним пессимистом, как Шопенгауэр, мы имеем, по выражению Дж. Морэна⁵³, позицию крайнего *квиелизма* (кстати, Витгенштейн, о чем свидетельствуют многие знавшие его люди, действительно вел аскетический образ жизни). Эта позиция выражается в следующем. Если мы «правильно» поймем мир, то нам станет ясно, что от мира нечего ожидать и что в нем нельзя сделать никаких радикальных изменений и улучшений. Философское мировоззрение «Трактата» ориентирует на пассивное отношение к действительности.

Все же витгенштейновский «мистик», как подчеркивают многие комментаторы, отличается от обычного человека тем, что он как бы не удовлетворяется простым присутствием в мире, а постоянно преисполнен удивления по поводу существования мира: «Мистическое не то, *как* мир есть, но то, *что* он есть»⁵⁴. При этом он отнюдь не считает мир иллюзорным, как это делал Шопенгауэр, не призывает к отрицанию мира. Пассивное, примирительное отношение к миру Витгенштейн сохранил и в свой поздний период. Таким образом, критические интенции Витгенштейна, навеянные радикальными венскими критиками языка и культуры, трансформировались в его философии в чисто созерцательную позицию, в своеобразное толстовское «непротivление». Кстати, «правильно» понять мир в терминах Витгенштейна означает увидеть отсутствие реальной связи между элементами, фактами этого мира. Ведь в таком мире нет места объективной каузальной зависимости.

В «Трактате» указывается на то, что «Бог» и «метафизический» субъект являются пределами мира, но сами эти пределы описать нельзя. Так, «субъект не принадлежит к миру, но он есть граница мира»⁵⁵. «Где в мире можно заметить метафизический субъект? Вы говорите, что здесь дело обстоит так же, как с глазом и полем зрения. Но в действительности вы сами не видите глаза. И ни из чего в *поле зрения* нельзя заключить, что оно видится глазом»⁵⁶. В отношении неопиcуемости субъекта в опыте Витгенштейн по существу повторяет известную аргументацию Юма против рационалистического, прежде всего картезианского, отождествления субъекта (души) с мышлением.

⁵³ См.: Moran J. *Toward World and Wisdom in Wittgenstein's Tractatus*. The Hague, 1973. P. 23.

⁵⁴ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. 6.44.

⁵⁵ Там же. 5.632.

⁵⁶ Там же. 5.633.

Вывод Витгенштейна здесь чисто негативный: «Мыслящего, представляющего субъекта нет»⁵⁷.

Известно, что в ранний период философской деятельности Витгенштейн попытался построить жизнь в соответствии со своей главной философско-мировоззренческой установкой, делать то, что не может быть высказано, а только показано. Свое предназначение он видел в том, чтобы не говорить ничего об этических и религиозных чувствах, а просто действовать соответствующим образом. Правда, что касается личного поведения Витгенштейна в отношении окружающих, то оно никогда не было идеальным. Его постоянные придирки к своим друзьям и коллегам, обвинения их в неискренности, нетерпимость к иным точкам зрения, резкие перемены настроения создавали поистине непреодолимые сложности в общении.

Витгенштейн не соблюдал обрядов никакой религии. Он был убежден в том, что как только какую-либо форму мистического пытаются выразить в словах, оно сразу же уничтожается. Мистическое следует охранять молчанием. Любой разговор относительно природы и свойств Бога пагубен для религии, ведь «Бог не проявляется в мире»⁵⁸. «Религия, — позднее писал он, — есть как бы спокойное дно моря в его глубочайшей точке, остающееся спокойным независимо от того, сколь большими могут быть волны на поверхности»⁵⁹. Правда, в «Дневниках» Витгенштейн формулирует своеобразную пантеистическую позицию, по существу отождествляя Бога и мир *в целом* (но — и это очень важно — не сего конкретными проявлениями, не с фактами). Веру в Бога он тогда сравнивал с пониманием вопроса о смысле жизни, с пониманием того, что факты, составляющие мир, еще не есть все. «У Бога две головы: мир и мое независимое Я»⁶⁰.

Идея «Бога» как предела мира используется в «Трактате» и в чисто инструментальном плане — для определения границ применимости логики. При этом в соответствии со своим панлогизмом Витгенштейн делает Бога зависимым от требований логики: «Если Бог создает мир, в котором истинны некоторые определенные предложения, то он тем самым создает мир, в котором верны предложения, следующие из них. И подобно этому, он не мог бы создавать такого мира, в котором предло-

⁵⁷ Там же. 5.631.

⁵⁸ Там же. 6.432.

⁵⁹ Wittgenstein L. Culture and Value. Oxford, 1980. P. 53.

⁶⁰ Wittgenstein L. Notebooks, 1914–1916. P. 74.

жение “*p*” было бы истинно, не создавая всей совокупности его объектов»⁶¹.

Из рассмотренных выше и некоторых других идей Витгенштейна во многом ведет свое начало традиционное для неопозитивистов отношение к религии — своеобразный подновленный вариант «теории двух истин» (впрочем, еще у ранних позитивистов, например у Г. Спенсера, появляется трактовка религии, в чем-то сходная с витгенштейновской). Известно, однако, что указанная теория, игравшая определенную прогрессивную роль в эпоху европейского Средневековья, по существу утратила эту роль уже в период Нового времени. В современных условиях это по существу одна из наиболее гибких и рафинированных форм апологии религии. Этот факт необходимо принимать во внимание при анализе религиозных представлений Витгенштейна и неопозитивистов. К тому же витгенштейновское отнесение религии к сфере «невыразимого» (в соединении с его более поздней идеей языковых игр) сегодня подхвачено многими западными теологами, в особенности представителями религиозного модернизма.

Критика «традиционной» концепции значения

Развернутую критику своей ранней концепции значения Витгенштейн впервые дал в «Голубой книге» (1933–1934)⁶². «Что такое значение?» — спрашивает он в ней. Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно, по его мнению, показать, что такое «объяснение значения слова». Аналогичным образом вопрос: «как мы измеряем длину?» — помогает нам понять, «что такое длина?». Подобная «операционалистская» переформулировка вопросов важна и для объяснения других слов естественного языка. Вопросы типа: «что такое длина?», «что такое значение?» и т. п. — всегда вызывают у нас недоумение. Для ответа на них нам не на что указать, у нас нет соответствующего предмета (денотата).

По Витгенштейну, объяснение значения слов традиционно сводится, во-первых, к вербальным определениям. Но он считает, что данный вид определений мало что дает. При нем мы лишь определяем одни слова с помощью других слов, и так

⁶¹ Там же. 5.123.

⁶² Впрочем, не всегда критикуемая им концепция значения может быть безоговорочно отождествлена с его собственной концепцией в «Трактате». Иногда объектом критики выступает некоторый симбиоз его ранней концепции с идеями Фреге и Рассела. Вообще же для позднего Витгенштейна довольно характерно создание «удобных» для его критики объектов.

до бесконечности. Во-вторых, объяснение сводится к остенсивным определениям. Поскольку роль именно этих определений обстоятельно оценивается Витгенштейном, необходимо подробнее остановиться на этом вопросе.

Речь идет о том типе определений, который описан, например, в работе Д. П. Горского следующим образом: «Под остенсивными определениями понимаются определения значения слов и словосочетаний путем непосредственного ознакомления обучаемого с предметами, действиями и ситуациями, обозначаемыми этими словами и словосочетаниями»⁶³. Витгенштейн, касаясь подобного рода определений, обращает внимание на тот факт, что очень многие слова не могут быть однозначно и точно определены таким путем (например, «один», «номер», «не» и т. п.). Если, допустим, мы указываем на карандаш и произносим его название, то такое остенсивное определение карандаша может быть проинтерпретировано обучаемым и так: «это является круглым», «это является красным», «это является деревянным», «это в единственном числе», «это твердое» и т. д. Витгенштейн, как обычно, приводит массу таких примеров.

Почему же, спрашивает он, остенсивные определения, вроде приведенного определения карандаша, мы в целом интерпретируем правильно? Потому ли, что у нас уже был в голове некий «образ» карандаша? Едва ли. Ведь если, к примеру, человеку укажут на банджо, которого он никогда раньше не видел, то он, вероятно, вспомнит слово «гитара» или же «образ» гитары. В «Философских исследованиях» в этой связи говорится: «А можно ли остенсивно обучиться словам «там» и «это»? — Вообразите, как кто-либо, вероятно, сможет обучить их использованию. Он станет указывать на места и вещи, но в этом случае указывание происходит [именно] при использовании слов, а не просто при обучении их использованию»⁶⁴.

Что же скрывается за витгенштейновской настойчивой критикой остенсивных определений?⁶⁵ Атака на них понадобилась ему для опровержения «традиционной» концепции значения (в том числе концепции самого «Трактата») и для разработки принципиально новой концепции. Я. Хинтикка по этому по-

⁶³ Горский Д. П. Определение. М., 1974. С. 84.

⁶⁴ Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford, 1953. P. 6.

⁶⁵ Витгенштейн, как правило, не проводит различия между «остенсивными определениями», «остенсивными объяснениями» и «остенсивным обучением» языку. В целом ряде случаев это обстоятельство затрудняет понимание его концепции.

воду замечает: «Остенсия оказывается наиболее подходящим соперником языковых игр как связующего звена между языком и реальностью. Если бы остенсия была жизнеспособным звеном, то это привело бы к результату, совершенно отличному от идеи языковых игр»⁶⁶.

Указанную «традиционную» концепцию значения Витгенштейн также называет «августинианской». Дело в том, что «Философские исследования» начинаются латинской цитатой из «Исповеди» Августина, в которой тот вспоминает, как в детстве обучался словам родного языка. Данное описание действительно очень похоже на процесс остенсивного обучения языку. Оценивая это, Витгенштейн пишет: «Эти слова, как мне кажется, дают определенную картину сущности человеческого языка. Она такова: индивидуальные слова в языке обозначают объекты, предложения оказываются комбинациями подобных имен. В данной картине языка мы находим корни следующей идеи: каждое слово имеет значение. Это значение скоррелировано со словом. Это тот объект, которому соответствует слово. Августин не говорит о существовании какого-либо различия между видами слов. Если вы описываете обучение языку подобным образом, то вы, я полагаю, прежде всего думаете о существительных типа «стол», «стул», «хлеб», а также об именах людей, и только во вторую очередь об именах определенных действий и свойств, а об остальных видах слов — как о чем-то, что само позаботится о себе»⁶⁷. Вот еще одна оценка «августинианского» подхода: «Августин описывает обучение человеческому языку, как если бы ребенок попал в неизвестную страну и не понимал языка этой страны, то есть он бы уже обладал некоторым языком, но только не этим. Или то же самое: как если бы он уже мог *мыслить*, но только еще не мог говорить. А «мыслить» в данном случае будет означать нечто вроде «говорить с самим собой»»⁶⁸.

В своей критике Витгенштейн, однако, не учитывает многих существенных обстоятельств. К тому же неправильно, как это он делает, целиком подчинять «остенсию» только одной определенной логико-лингвистической концепции значения. Здесь нужно прежде всего подчеркнуть, что остенсивное обучение является совершенно необходимым компонентом овладения родным языком. Об этом с основанием пишет У. Куайн: «Указывание полезно,

⁶⁶ Hintikka J. (ed.). Essays on Wittgenstein in Honor of G. H. von Wright. Amsterdam, 1976. P. 112.

⁶⁷ Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford, 1953. P. 2.

⁶⁸ Ibid. P. 15–16.

ибо оно усиливает отличительный характер части поля зрения. Сначала это просто возлагается на указывающий палец и его непосредственное окружение и соседство благодаря знакомому виду движения и контрасту. Даже в таком примитивном действии имеется некоторое приобретение: из внимания исключается большинство не относящихся к делу участков сцены, а таким образом можно избежать многих трудоемких исключений с помощью индукции. Конечно, следует все же применять ограниченную индукцию... еще до того, как субъекту удастся исключить указывающий палец в пользу той вещи или того свойства, для которого предназначается слово. В дальнейшем мы перепрыгиваем даже через эту ограниченную стадию неуверенного поиска, научившись обычаю указывания <...>. Мы видим, что указывание служит ускорению обучения терминам, которым иначе можно было бы научиться лишь благодаря долгому просеиванию сходств и различий всех переплетающихся аспектов»⁶⁹.

Как подчеркивает Д. П. Горский, процесс остенсивных определений развивает у ребенка навык к абстракции отождествления. Ребенок овладевает остенсивно значениями не только отдельных слов, но и целых словосочетаний, усваивая при этом стандарты родного языка⁷⁰. При остенсивном обучении слову «треугольник», отмечает А. А. Ветров, обучающемуся показывают разные виды этой геометрической фигуры. На основании этого у него складывается знание о несущественности для треугольника некоторых признаков (величины углов, длины сторон и т. п.). Приобретение такого знания как раз и позволяет выйти за границы единичного, осуществить обобщающую абстракцию. «В филогенезе люди впервые познавали несущественность тех или иных свойств предметов, используя эти предметы практически: вещи, которые производили одно и то же действие, отождествлялись, а различия между ними игнорировались»⁷¹.

Правда, в чисто семантическом плане критика Витгенштейном остенсивных определений кое в чем справедлива, поскольку они и в самом деле неоднозначно указывают на предметы и свойства, обозначаемые тем или иным словом. Однако в процессе речевой практики людей (роль которой подчеркивает и сам Витгенштейн) этот недостаток постепенно корректируется. «Все же сколь бы ни был совершенен этот способ, он, несомненно, играет большую роль в познании, представляя собой путь получения исходного

⁶⁹ Quine W. V. O. The Roots of Reference. La Salle, 1973. P. 44–45.

⁷⁰ Горский Д. П. Определение. М., 1974. С. 84–85.

⁷¹ Практика и познание. М., 1973. С. 312–313.

словаря базовых терминов в естественных языках, предпосылку введения (с помощью дескриптивных, перекалифицирующих, семантических и т. д. определений) терминов и понятий конкретных наук»⁷².

То, что при первоначальном обучении языку решающую роль играют слова, обозначающие реально существующие предметы, нельзя оценивать как заблуждение. Такие слова свидетельствуют о том, что процесс овладения родным языком неотделим от практического овладения именно *материальными* предметами внешнего мира. Атакуя «традиционную» теорию значения, Витгенштейн в сущности выступает против изначально материалистического подхода к пониманию языка. Заостряя внимание на лингвистической практике человека, поздний Витгенштейн в то же время лишает такую практику предметности в самом прямом смысле этого слова, отгораживает язык от реальности.

В «Голубой книге» Витгенштейн также отмечал, что в соответствии с «общепринятым» подходом язык рассматривают состоящим как бы из двух частей: (1) «неорганической», включающей материальные знаки; (2) «органической». Здесь знаки получают интерпретацию, им придается «значение». И все это якобы происходит в сознании. Поэтому принято считать, будто к «мертвым» знакам следует добавить нечто нематериальное, чтобы «оживить» их. На самом деле, подчеркивает Витгенштейн, только *использование* знаков способно осуществить это. Если же значение есть некоторый образ в голове, которому можно уподобить ту или иную картину или модель, то почему же мертвый знак должен «оживать», если к нему прибавить такой образ? Мы привыкли рассматривать значение знака как особую вещь, существующую вместе со знаком. На самом деле отдельный знак (и предложение тоже) получает свое значение только в системе знаков, в конкретном контексте, в языке в целом. Поэтому понять слово или предложение — значит понимать язык, а понимать язык — значит владеть техникой его правил, его «грамматикой» (в особом, витгенштейновском истолковании этого термина).

По Витгенштейну, мы ошибочно полагаем, что значение есть нечто субстанциальное. Это же является причиной типично философских заблуждений. Так, например, многие запутанные философские проблемы времени вызваны пониманием его как чего-то субстанциального, за чем будто бы стоит нечто непознаваемое и, возможно, божественное. Уже спрашивая: «Что такое время?» — мы усложняем проблему. Августин, интересуясь

⁷² Попа К. Теория определения. М., 1976. С. 37.

вопросом о том, «как измерить время», приходит к парадоксальному выводу, ибо он, сточки зрения Витгенштейна, на самом деле имеет в виду процесс измерения длины тел.

Значение, которое присуще словам, не является продуктом нашего мышления. Да и само мышление отнюдь не есть какой-то духовный процесс, духовная деятельность. По мнению Витгенштейна, мышление есть прежде всего практическая активность оперирования со знаками. Эта активность выполняется рукой при письме (то есть мы мыслим при помощи письма); она выполняется ртом (когда мы мыслим при говорении); а когда мы мыслим, воображая знаки или образы, то в этом случае уже трудно назвать деятеля. Если сказать, что сознание (ум, душа) мыслит, то это будет лишь запутывающей метафорой. Когда мы интересуемся локализацией мышления, то мы не имеем права категорически утверждать, что оно имеет место в голове, — мы ведь этого не видим. Правда, мы все же так говорим, но это рассуждение построено на зыбкой аналогии. Наш повседневный язык в процессе его функционирования сам вкладывает некоторый смысл в утверждение о том, будто мышление происходит «в голове».

Как видим, позиция позднего Витгенштейна близка бихевиоризму, хотя и не тождественна с ним. Витгенштейн сходится с бихевиористами в критике представления о наличии внутренних духовных состояний, в недоверии к понятию «сознания»⁷³. Он крайне подозрительно относился к тем или иным формам менталистских объяснений, а также отрицал образный характер мышления. «Следует спрашивать не о том, что такое образы или что происходит, когда кто-либо воображает нечто, но о том, как используется слово “воображение”»⁷⁴.

Но, с другой стороны, тексты Витгенштейна содержат массу примеров, предполагающих интроспекцию. Он к тому же отнюдь не считал, что язык, описывающий внешние проявления, язык человеческого поведения, достаточен для характеристики психического. Поэтому, например, для него «грамматика» (то есть

⁷³ В связи с этим нельзя не упомянуть о сильном влиянии на Витгенштейна прагматизма Джеймса, который, в частности, в статье «Существует ли сознание?» писал: «Я утверждаю, что раз “сознание” уже так значительно испарилось, то это значит, что оно скоро совершенно исчезнет. Оно не обозначает какой-либо сущности и не принадлежит к числу первых принципов. Приверженцы его ловят эхо, глухой гул, развеянный исчезающей “душой” в атмосфере философии» (см.: Новые идеи в философии. СПб., 1913. Сб. 4. С. 103).

⁷⁴ *Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford, 1953. P. 116.*

способ употребления) слова «боль» иная, нежели грамматика фразы «проявление боли». Он пишет: «Итак, вы говорите, что слово “боль” в действительности означает стон? Наоборот, словесное выражение боли заменяет стон, а не описывает его». И далее: «Нельзя сказать, что другие люди узнают о моих ощущениях *только* по моему поведению. Ибо нельзя сказать, что я сам узнаю по ним. Я *имею* их. Истина заключается в следующем. Имеет смысл говорить о других людях, что они сомневаются в том, больно ли мне. Но обо мне этого нельзя сказать»⁷⁵. Витгенштейн ставил иную по сравнению с психологами-бихевиористами цель: «Объяснение действия языка в качестве психофизического механизма нас не интересует... Мы нуждаемся в объяснении, которое является *частью исчисления* (то есть “грамматики”. — А. Г.)»⁷⁶.

Своей критикой ментализма Витгенштейн стремился опровергнуть принципиальную возможность существования «индивидуального языка», языка, описывающего внутренние состояния человека (вроде состояния боли) и являющегося сугубо личным. «Предложение «ощущения индивидуальны» сравнимо с предложением «некто играет в пасьянс с самим собой»», — писал он⁷⁷, то есть первое предложение столь же излишне, как и второе, где говорится о карточной игре, которая только и играется с самим собой.

Благодаря Витгенштейну в практику англо-американской аналитической философии прочно вошла дискуссия по проблеме «индивидуального языка». Об этом к настоящему времени существует обширная литература. С присущей всем аналитикам скрупулезностью и дотошностью некоторые авторы доказывают возможность такого языка, другие это опровергают, ссылаясь, как правило, на Витгенштейна и используя его аргументы и метод «мысленных экспериментов». Что же все-таки скрывается за этой необычной, на первый взгляд, полемикой?

Речь в ней идет о возможности передачи в языке внутреннего психического состояния субъекта. Можно ли надеяться на то, что знание об этом состоянии окажется достоверным и будет разделяться разными людьми? Ведь от этого во многом зависит характер человеческого общения. В отличие от соперничающих представителей интроспективной и поведенческой психологии, философы-аналитики ищут решение указанной проблемы исключительно в лингвистической сфере. Одни из них аргументируют

⁷⁵ Ibid. P. 89.

⁷⁶ Wittgenstein L. Philosophical Grammar. Oxford, 1974. P. 70.

⁷⁷ Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford, 1953. P. 90.

в пользу гипотетического «языка Робинзона», в котором субъект мог бы обозначить свои ощущения, восприятия и переживания только ему одному понятными знаками. Здесь были бы возможны личные остенсивные определения слов. Другие отрицают такой подход на том основании, что если имеется в виду *язык*, то в нем обязательно должен быть критерий отличия правильных высказываний от неправильных, а таковой возможен исключительно в языковой системе с ее общепринятыми нормами и правилами. «Язык Робинзона» подобного критерия не содержит. При этом они опираются на такие высказывания Витгенштейна: «думать, что кто-либо подчиняется правилу, еще не означает и в самом деле подчиняться правилу. Поэтому невозможно “индивидуально” подчиняться правилу. Иначе, думать, что кто-то подчиняется правилу, будет то же самое, что и подчиняться ему»⁷⁸; «Когда я подчиняюсь правилу, я не выбираю. Я слепо подчиняюсь правилу»⁷⁹.

С. Крипке в своих последних работах утверждает, что, опровергая «индивидуальный язык», Витгенштейн стремится также опровергнуть «индивидуальную модель» следования правилу. Это было необходимо ему для ответа на сформулированный им «скептический парадокс», подвергающий сомнению постоянство значения используемых нами понятий. Витгенштейн, пишет Крипке, считает, что в своих рассуждениях мы всегда достигаем такого уровня, на котором начинаем действовать не сомневаясь, в согласии с тем или иным лингвистическим сообществом, и не стремясь рационально обосновать свои действия. По мнению американского философа, этот же подход лежит в основе витгенштейновского решения проблемы познания «других сознаний». Всякое объяснение Витгенштейна упирается по существу в инстинктивные формы лингвистического поведения⁸⁰.

Безусловно, критики «индивидуального языка» правы, когда выделяют некоторые общеобязательные лингвистические требования, а также подчеркивают системный характер языка и тесное взаимодействие всех его частей. Совершенно «индивидуальный» язык, конечно, невозможен. Однако подобный подход, по нашему мнению, еще не решает саму проблему возможности адекватного познания психических явлений. Да и полемика со сторонниками «индивидуального языка» на этом не прекращается, ибо последние продолжают придумывать все новые гипотетические

⁷⁸ Ibid. P. 81.

⁷⁹ Ibid. P. 85.

⁸⁰ См.: *Kripke S. A. Wittgenstein on Rules and Private Language*. Oxford, 1982.

языки, обходящие грамматические ограничения, установленные их критиками.

Рассмотренная проблема в сущности является гносеологической, поэтому ту форму, в которой она ставится философами-аналитиками, нельзя признать подходящей. Это вопрос о том, насколько *истинны* наши знания о самих себе и о других. Ведь познание (как и самопознание) психических состояний имеет свою специфику, свое отличие от познания внешнего мира, природы. И тем не менее ошибочно говорить о невозможности такого знания. Оно может содержать в себе элементы объективной истины даже несмотря на субъективную окраску. В основе подобного оптимизма лежит научно обоснованное убеждение в том, что психические проявления — это продукт длительной биологической эволюции человека, что их основные характеристики сформировались в ходе все более усложнявшейся социальной практики. Многие современные психологи рассматривают психические явления и состояния как своеобразную интериоризацию внешней предметной деятельности. Не лишая сферу психического присущих ей особенностей, такой подход в принципе позволяет получать достоверное и полезное знание. И естественный язык, тоже являющийся результатом социальной практики людей, вполне приспособлен для решения указанной задачи.

